

Екатерина
Неволина

Похитители древностей

Путешествие в бездну

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Н40

Неволина, Е.А.

Н40 Похитители древностей. Путешествие в бездну / Е.А. Неволина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 234 с. — (Проза Екатерины Неволиной).

ISBN 978-5-517-03254-6

Еще никогда смерть не подходила к ребятам так близко. Казалось, они уже привыкли к риску, но с каждым разом задача все усложняется. Теперь команде предстоит вернуть все те артефакты, которые они лично отдали в руки врага. Но, что хуже всего, что-то странное происходит с Яном. Молодой маг сторонится друзей и все время где-то пропадает...

Каждый из ребят чувствует леденящее дыхание бездны и лицом к лицу встречается со своим страхом. Настало время подвести итоги и пройти по самому краю пропасти. Что поможет им на этот раз? Дружба? Вера? Любовь? Или все это бессильно перед лицом пустоты и ужаса?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-03254-6

© Неволина Е.А., 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ПРОЛОГ

По стене медленно стекала вода, собираясь у ног в белесые лужицы.

Глеб поморщился и осторожно перешагнул их — молочного цвета жидкость отчего-то вызывала у него чувство гадливости.

Было холодно, изо рта густо валил пар, пальцы озябли и потеряли чувствительность. Сил уже почти не оставалось, но надо было идти по этому длинному подземному коридору. Куда — Глеб и сам не знал, чувствовал только, что нужно как можно скорее выбраться из этого странного места, где он оказался совсем один, без друзей. Вначале он еще пытался докричаться до них, но отзывалось только эхо — причем так пугающе мрачно, что и без того сжавшееся сердце превращалось в ледяной комочек. А потом Глеб понял: покой этих странных коридоров лучше не тревожить... во избежание... что-то здесь чувствовалось такое, с чем ему совершенно не хотелось бы встречаться.

Он шел и шел, казалось, уже целую вечность, и постепенно все его существо охватило ощущение безнадежности.

Как он здесь оказался? Кажется, они с ребятами что-то искали... Что-то очень важное. Ах да, артефакты! Вещи, наделенные особой силой и способные переломить весь ход человеческой истории. Но почему здесь, в этом подземелье? И где же остальные? Саша, Северин, Ян, Динка?.. Они всегда были рядом, и с ними Глеб чувствовал себя по-настоящему сильным. Как же не хватало сейчас даже дурацких шуточек Яна! Что бы сказал о подземелье Белорецкий? Что-то вроде: «вот прекрасный склеп со всеми удобствами — пристанище одинокому путнику на ближайшую вечность...» А что, если и вправду не удастся выбраться

отсюда целую вечность?.. А что, если он оказался тут потому, что уже...

Нет! Глеб усиленно затряс головой. Нельзя хотя бы мысленно допускать то, что он уже умер, нельзя сдаваться. Нужно сжать зубы — вот так, до боли — и идти, идти дальше. Вдруг друзья где-то там, впереди? Вдруг им нужна помощь?

И только Глеб успел подумать об этом, как услышал стон, усиленный низкими каменными сводами.

Впереди кто-то есть. Нужно спешить!

Вот и зал, тускло освещенный двумя чадящими факелами. От дыма защипало глаза, и Глеб с трудом разглядел у стены хрупкую девичью фигурку. Тонкие белые запястья девушки были схвачены толстыми железными наручниками, вбитыми в стену, голова пленницы склонилась к груди, а лицо занавесили густые рыжие волосы...

Девушка снова застонала, на этот раз едва слышно...

И тут Глеб наконец ее узнал!

— Оля! — Он бросился к ней и попытался голыми руками сорвать кандалы, но только сбил себе в кровь пальцы об остро пахнущее ржавчиной железо. — Оля! Кто это сделал с тобой?!

Она подняла к нему лицо с измученными глазами, в которых плескалась тоска, смешанная с отчаянием.

— Скажи им, где корона, — произнесла девушка едва слышно. Она казалась призраком, угасающей свечой, чей фитилек едва тлел.

— Какая корона? — Глеб провел ладонью по ее лицу, оглянувшись, ища, чем можно поддеть затвор наручников. — Я вытащу тебя отсюда! Ничего не бойся! Пожалуйста, верь мне!

— Глеб! — Девушка дернулась, словно ей было неприятно его прикосновение. — Только скажи, где корона, и они нас отпустят!

Он нахмурился... В голове словно забрезжил свет. Ну конечно, они добыли настоящую Шапку Мономаха, уведя ее буквально из-под носа у охраняющего призрака и у посланной за этим

артефактом команды Евгения Михайловича — человека, которому Глеб когда-то безоговорочно доверял и который оказался настоящим негодяем и бездушным убийцей.

Они пошли вызволять остальные артефакты, попавшие в загребушие руки их бывшего директора, и... случилось что-то плохое... Ребята пропали, а сам Глеб оказался вот в этом подземелье. Наверняка это ловушка, подстроенная Евгением Михайловичем. Но как он мог схватить и мучить Ольгу, она-то тут при чем? «А при том, — ответил Глеб себе, — что она дорога мне, и директор решил надавить на этот рычажок, чтобы добиться своих целей. Ничего удивительного. Вполне в его духе».

Что же делать? Прежде всего, конечно, освободить Ольгу.

Но пол подземелья оказался стерильно чист — не было ни куска кирпича, ни какого-нибудь заваливающего ржавого гвоздя. Глеб судорожно ощупал карманы, они оказались пусты — даже неизменный швейцарский ножик исчез, словно испарился. Может, Глеба обыскивали?

Черт! В голове — туман, а память ведет себя как легкомысленная кокетка, изменяя ему направо и налево.

— Глеб, помоги мне! — В голосе Ольги звучало отчаяние. — Пожалуйста.

Девушка содрогнулась, и голова ее снова безвольно свесилась на грудь.

Нужно только сказать, куда они спрятали корону, и Ольгу отпустят. Ее больше не будут мучить...

Глеб хотел бы сказать, но сам не знал ответа. При попытке вспомнить, куда они дели корону, голова вспыхивала такой острой болью, что парень едва удерживался на ногах.

— Оля, Олечка! — Он упал на колени на ледяной пол, пытаясь заглянуть ей в лицо. — Пожалуйста, не бойся! Потерпи еще немного. Я помогу тебе... Мы с ребятами поможем тебе...

Девушка не отвечала, и от вида ее беспомощной фигурки горло сжималось, словно кто-то накинул на шею веревочную петлю и теперь затягивал ее что было силы.

— Оставь ее, не она нужна тебе, — послышался вдруг певучий медовый голос, и лба Глеба, лаская, коснулись чьи-то нежные руки. — Пойдем со мной. Я уведу тебя отсюда, Юрий...

Кто-то с неожиданной для женщины силой поднял его с пола, и Глеб оказался лицом к лицу с прекрасной княгиней. От власти-тельницы затопленного града Китежа шел мягкий теплый свет, разгоняющий зловещую полутьму подвала, затянутого дымной завесой. Княгиня смотрела с любовью и лаской, как в тот день, когда много жизней назад он покидал Китеж, чтобы принять неравный бой, чтобы не посрамить земли Русской, как велели отцы и деды. Лучше быть мертвым, чем предать. «Мертвые стыда не имут», — говорил когда-то другой славный князь.

— Все закончилось, Юрий. — Ирина Алексеевна обняла его за плечи, от нее сладко пахло молоком, медом и едва ощутимо ладаном. — Ты выдержал испытание. Больше не нужно битв, не нужно жертв. Ты справился. Пойдем со мной, Юрий!

Когда-то, много жизней назад, он любил эту женщину с красивым светлым, но таким бесконечно чужим лицом. Когда-то он обещал ей вернуться и... нарушил обещание. Чувство вины кольнуло Глеба. Ирина смотрела на него с мольбой.

— Пожалуйста, не отвергай меня снова! — взмолилась она. — Я смогу увести тебя отсюда. Ничего не будет. Тебе не придется ничего им говорить. Мы просто уйдем — и все. Я спрячу тебя от всех врагов! Умоляю, послушай меня, мой князь!

Она униженно, словно полонянка, поцеловала его пальцы.

Глеб не сомневался в ее словах. Он чувствовал: княгиня не лжет, и только она способна сейчас вывести его из темноты подземелья. Но снова, как и много жизней назад, упрямо покачал головой. Он жалеет Ирину, удивляется ее силе, но уже не любит и не может предать Олю и друзей, которые тоже должны быть где-то здесь, которые сейчас тоже находятся в опасности.

Он с усилием оттолкнул ее руки, вцепившиеся в него, как плющ вцепляется в старое дерево.

— Уходи, княгиня, тебе здесь не место, — пробормотал Глеб, отступая.

— Князь! — Он увидел, как Ирина с бессильной скорбью прижимает к груди сжатые руки. — Все, что ты видишь сейчас — не правда! Они опоили тебя, князь! Им нужна только корона... Они...

Она не договорила, потому что вдруг пошла рябью, как изображение в испорченном телевизоре, и пропала.

— Глеб! — послышался голос Ольги, но теперь в нем звучала злоба.

Глеб Юрьев оглянулся. Ольга смотрела прямо на него, и рот ее раздраженно кривился.

— Глеб! — снова позвала она. — Ты должен немедленно сказать, где корона! Ты не можешь скрывать это от меня!

— Корона! Немедленно скажи, где корона! — подхватил за ней десяток голосов.

Помещение вдруг оказалось заполнено людьми. Глеб с удивлением узнавал среди них знакомых. Вот Кирилл, предводитель самозванных археологов, потащившийся за ними в подземелье в поисках легендарной библиотеки Ивана Грозного. Вот Серега, охранник школы, возглавляемой Евгением Михайловичем. Вот прижимающий к груди сухую искаленную руку Вадим, маг из числа язычников, не раз помогавший их команде... А вот и ребята. Все они — и Саша, и Северин, и Ян, и Динка. И все эти люди укоризненно смотрят на Глеба.

— Долго мы будем ждать? — спросила Саша, раздраженно приподнимая бровь. — Мы здесь из-за тебя! Ну скажи же наконец, где корона!

— Скажи — и все закончится, — добавил Северин.

— Скажи, иначе все мы погибнем. А я не хочу умирать! — Динка двинулась к нему, и в голове Глеба словно взорвалась бомба.

На миг перед глазами потемнело. Он очнулся на полу, чувствуя, как из носа течет что-то горячее и густое, видя перед гла-

зами множество ног плотным кольцом окруживших его людей, от которых ощутимо исходила злоба. Теперь они не были ему знакомыми или друзьями. Они пришли, чтобы мучить его. Чтобы вытащить из него то, что он так тщательно прятал даже от самого себя.

— Очнулся! — Ольга присела перед ним на корточки и вдруг резко ударила Глеба по лицу. — Ну что вылупился?! Ты не пожалел меня, и не думай, что я тебя пожалею! Девушки любят героев, а ты — жалкий неудачник! Ну давай, сделай же хоть что-то полезное в своей никчемной жизни! Скажи мне, где корона?

Чья-то нога из всех сил ударила Глеба под дых, выбивая из груди дыхание. Он открыл и закрыл рот, не в силах вдохнуть от сковавшей все тело боли. Кто-то опять ударил его, но Глеб уже не чувствовал ударов. Он умирал и ясно осознавал это. Смерть бережно целовала его в висок, обещая покой — все, что ему сейчас было нужно.

— Ну дыши же, дыши! — кто-то из всех сил встряхнул Глеба. В парализованные легкие, обжигая, устремился поток воздуха. — У него плохая переносимость препарата, — обращаясь к кому-то невидимому Глебу, продолжил незнакомый голос. — Едва совсем концы не отдал... Если будем продолжать, парень умрет, это точно.

Глеб понемногу приходил в сознание, но чувствовал себя странно: в рот и в уши словно напихали ваты, а голова распухла, превратившись в арбуз.

— Так что делать с парнем? Я не готов брать на себя ответственность за его жизнь, — произнес кто-то совсем рядом с Глебом.

Глеб смутно видел высокого человека в белом халате, но не мог разобрать черты его лица — в глазах все плыло и трюилось.

Пауза, кажется, затянулась на целый час, а затем, откуда-то со стороны, до Глеба донесся знакомый голос бывшего директора их школы.

— Останавливаемся. Продолжим разговор позже. Отвезите его в палату, — сказал Евгений Михайлович.

Глеб в изнеможении закрыл глаза. Кажется, он еще будет жить.

ГЛАВА 1

ПОЛНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

Старейшина сидел в кресле с высокой идеально прямой спинкой, завершавшейся вырезанной из дерева монограммой. Этому креслу было уже более трехсот лет, и любой антиквар продал бы душу за обладание подобным сокровищем, но Ангелина знала, что кресло более чем неудобное. Слишком массивное, жесткое и прямое, так же не понимающее компромиссов, как и тот, кто его занимал.

С момента начала аудиенции старейшина не сказал ни слова, и Ангелина молчала. Этим двоим не требовалось слов: он считывал все из самых глубин ее души так легко, словно читал книгу. Он был ей Отцом. Именно так, с большой буквы, потому что в отличие от биологического отца он дал ей гораздо больше. Он дал ей практически вечность и новые возможности, позволяющие забыть о прошлых неудачах и почувствовать себя особенной — быстрой, сильной, ловкой. Да, при этом пришлось отказаться от каких-то мелочей, но ведь за все приходится платить, и Ангелина в целом считала сделку удачной. Вплоть до этого момента, когда оказалась стоящей под суровым взглядом Отца с горьким чувством вины и собственной никчемности. Чтобы избавиться от этого ощущения, она когда-то приняла смерть. Не сработало. Бывают в жизни огорченья...

— Прости, Отец! — Она склонила голову, но по-прежнему чувствовала на себе его тяжелый взгляд. — Я виновата в провале операции, но, пожалуйста, позволь мне все исправить!

Он молчал.